

Электронный документ: вид или тип?

Рассуждения в рамках полемики о систематизации так называемого электронного документа и связанных с этим терминологических трудностях.

(Отклик на ст.: Столяров Ю. Н. Нонэлектронный документ: правомерность термина // Науч.-техн. б-ки. – 2012. – № 9. – С. 38–43.)

Ключевые слова: документ, электронный документ, нонэлектронный документ, документология, типология.

Будучи руководителем отдела по созданию и использованию цифровых информационных ресурсов, я с особым интересом прочитала познавательную и запоминающуюся статью Ю. Н. Столярова «Нонэлектронный документ: правомерность термина». Уже в самом начале рассуждений о классификации электронного документа внимание остановилось на фразах: «... до возникновения его электронной разновидности потребность в классификации по этому способу производства отсутствовала» и далее: «...за основание деления берётся признак необходимости использования электронных средств» [1. С. 38].

Такая формулировка сразустораживает документологически мыслящего читателя. Получается, что в разряд электронных попадают все документы, для производства и использования которых требуются некие «электронные средства». Но что можно считать такими средствами? Начнём с технического аспекта и обратимся к справочной литературе. Статьи словарей ориентируют на понимание «электронных» технических средств как основанных на использовании свойств электронов. В технических энциклопедиях (таких, например, как Физическая энциклопедия или Большой энциклопедический политехнический словарь [2]) отвлечённый термин *электронный* не рассматривается. Но из сопряжённых статей (например «электронный микроскоп») становится понятно, что значение «основанный на использовании свойств электронов» вполне приемлемо.

Однако на использовании свойств электронов основана любая радиолампа (вспомним школьные уроки физики), и к электронным техническим средствам можно смело отнести, например, даже громоздкие ламповые магнитофоны «Комета», популярные в начале 1960-х гг. Они давно вышли из бытового употребления, но это ни в коей мере не означает, что они должны исчезнуть из поля зрения документологов. И всё же никому не приходит в голову называть раритетные катушки с магнитофонной лентой электронными документами. Значит, одних технических «электронных средств» недостаточно, чтобы определить электронный документ по способу производства.

Важно отметить, что, характеризуя избранное основание классификационного деления – признак необходимости использования электронных средств, Ю. Н. Столяров как раз и не употребляет определение *технические*. Что же ещё, помимо чисто технической составляющей, делает способ производства документа *электронным* в современном понимании? Это – использование бинарного цифрового кода. Само по себе бинарное кодирование – не новость (взять хотя бы точки и тире «морзянки»), как и цифровое кодирование вообще (вспомним шифровку «Юстас – Алексу»). Ничего «электронного» ни в том, ни в другом способе кодирования нет, но вот их одновременное применение в совокупности с минимизацией и быстроедействие электронных технических средств создало возможность появления современного «электронного» документа, массового настолько, что потребовалось

номинировать по отношению к нему все остальные.

Человечеством была создана ещё одна группа документов (не будем забывать про упомянутую классическую магнитофонную ленту), содержащих запись не просто трудноразличимую или непонятную, но вообще недоступную органам наших чувств. Ведь без помощи техники невозможно даже определить, есть ли запись на магнитофонной ленте или, например, флешке. Думается, именно потому, что человек становится заложником средств создания/прочтения такого документа, поиски основания его научной группировки начинаются именно со «способа производства».

Но, быть может, «способ производства» из-за его комплексности применительно к электронному документу вообще не может служить основанием дихотомического построения? В поисках иного пути придётся (уже в который раз!) обратиться к «азам» документологии...

Предельно обобщённо, всякий документ – это единство материального носителя с искусственно зафиксированной информацией; он характеризуется материалом носителя, инструментом, веществом и способом записи. Обратим внимание, что «способ записи» и «способ производства» (неслучайно используемый Ю. Н. Столяровым, как всегда безупречно аккуратным в терминологии) – далеко не одно и то же.

Наименования основных документов, существующих одновременно с электронным, отражают именно способы создания *записи* (рукописный – запись последовательно выводится от руки, печатный – создаётся дискретным отпечатыванием некоего образца) и ничего не сообщают нам о способах производства этих документов в целом.

Что же в электронном документе служит носителем записи? На чём конкретно фиксируются закодированные логическими нулями и единицами буквы, цвета и звуки? Здесь в ходу самые разнообразные обособленные материальные объекты: поликарбонатные оптические диски (их видел каждый), полупроводниковые кристаллы и/или плёнки микросхем памяти (именно они несут запись в таких удобных и уже привычных флешках), тонкие металлические пластины с ферромагнитным покрытием, используемые в жёстких дисках – устройствах хранения записи современных компьютеров (их мало кто видел, кроме специалистов). Словом, налицо пугающее техническое разнообразие. Именно поэтому в наши дни документолог уже не может позволить себе быть исключительно гуманитарием. Приходится иметь хотя бы упрощённое, но принципиально верное представление о материальной составляющей любого нового документа; в противном случае неизбежен уход от строгой науки в область чудесных явлений...

Итак, получается, что, с точки зрения носителя, единого электронного документа не существует. То же самое можно сказать и об инструменте, и о способе записи. В одном случае – это «намагничивание» специальной головкой, в другом – световое воздействие лазером, в третьем – одновременно и то и другое. Что касается вещества записи, то здесь мы видим интересный, но совсем не уникальный пример: веществом записи становится преобразованное тем или иным способом вещество материала носителя (или его рабочего слоя).

Всё это многообразие в сочетании с бинарным кодированием и создаёт тот самый «способ производства», при посредстве которого возникает электронный документ как материальный объект с зафиксированной на нём информацией.

Встречающиеся в библиотечной практике электронные документы тоже не имеют единой физической формы. Читателям выдаются и оптические диски, и электронные книги, и самые разнообразные «файлы» (тексты, изображения, аудио- и видеозаписи), не только хранящиеся на внутрибиблиотечном персональном компьютере или сервере, но и доступные читателям через глобальную компьютерную Сеть с «чужого» сервера.

Обратим внимание на то, что читатель, запросивший, например, оптический диск, получает от библиотекаря два совершенно разных носителя: собственно диск и бумажную обложку (иногда даже книжечку-вкладыш). Однако в каталоге библиотеки они фигурируют как один документ – *электронный*. Это наглядно иллюстрирует исходное, принципиальное положение документологии: понятие *документ* всегда относительно и потому конвенционально.

Если читатель запрашивает электронную книгу (ридер), он получает на руки «конволют», временно составленный библиотекарями из тех или иных произведений. При этом читатель, как и в случае с оптическим диском, пользуется документом как обособленным материальным носителем с зафиксированной информацией.

А что происходит, если читатель обращается к «файлу»? Он уже не получает на руки обособленный носитель с информацией, а лишь видит преобразованное, декодированное экранное воплощение одного из произведений, входящих в состав гигантского «конволюта» – жёсткого диска компьютера (персонального, общебиблиотечного или «чужого» – принципиального значения не имеет). Имея дело с компьютерным файлом, читатель работает одновременно и с жёстким диском, содержащим кодированную запись, и с декодированным временным воплощением этой записи на мониторе (для простоты договоримся пока не учитывать работу оперативной памяти компьютера и других промежуточных устройств, которых особенно много в случае использования файла из Сети).

Таким образом, под электронным документом понимаются не только обособленные носители с зафиксированной информацией, но и отдельные произведения, зафиксированные на физически недоступном читателю носителе. Ведь в библиотеке нерационально (хотя и вполне возможно) описывать в качестве единого электронного документа жёсткий диск библиотечного сервера, а хранящиеся на нём файлы перечислять в статусе содержания. Это ещё раз подтверждает положение об относительности понятия *документ*.

Но проблема в том, что столь различные по всем основным документологическим характеристикам «электронные» документы, тем не менее, объединяются в группу. Ю. Н. Столяров пишет: «... с укреплением электронного документа потребовалось наименовать противоположный ему вид документа» [1. С. 38].

А почему, собственно, к сопоставляемым группам документов применяется термин *вид*? В случае с электронным документом, действительно, налицо признаки группировки, но группировки принципиально иной – типологической. С большой степенью вероятности можно предположить, что электронный документ – не вид, а тип документа, нестрого характеризующийся набором нескольких признаков (основные – использование электронных технических средств создания и воспроизведения, принцип бинарного кодирования, минимизация размеров благодаря высокой плотности записи, необязательность физической обособленности носителя).

Коль скоро электронный документ – не вид, а тип документа, т.е. группа по определению размытая, допускающая несоблюдение строгих логических принципов деления, то правомерно ли ставить вопрос о поиске строгого дихотомического наименования для документа-антипода? Ведь этот документ-антипод мы тоже не сможем определить строго и однозначно. К противопоставляемому электронному документу-антиподу тоже неприменим термин *вид*: по всем документологическим характеристикам не-электронные документы даже ещё более разнообразны, чем электронные.

И если мы предполагаем, что электронный документ не относится к строго определённой видовой группе, то – как для его собственного наименования, так и для терминологического антипода – не просто вынужденно допустимо, но вполне методологически оправдано отсутствие дихотомической строгости. Ведь дихотомия – свойство исключительно классификационных схем. Единственным корректным вариантом дихотомии для

типологической группы будет предложенное Ю. Н. Столяровым определение через отрицание – *нонэлектронный*. Этот термин не только лингвистически безупречен и логически обоснован [3], но и методологически неустойчив.

В связи с этим непонятно, зачем термину *нонэлектронный* нужно предлагать замену? Впрочем, методологически оправданный отказ от дихотомии открывает столь широкие возможности для терминологических изысканий, что этим не стоит пренебрегать хотя бы из научного любопытства.

К сожалению, кажущийся на первый взгляд весьма подходящим термин *аналоговый* критики не выдерживает, что было исчерпывающе показано Ю. Н. Столяровым [1. С. 40, 41].

В заключение заметим: главный предмет нашей дискуссии – *электронный документ* – сам наименован отнюдь не безупречно. Слово *электрон* имеет в русском языке три значения. Два из них вполне актуальны: элементарная частица и металлический сплав, одно – устаревшее: янтарь. Но именно как «янтарь» слово *электрон* переводится с греческого – одного из двух базовых языков, служащих для научного терминообразования. Быть может, противникам «нонэлектронного» документа пришло время брать пример с физиков-теоретиков, оперирующих ароматами и цветами кварков, и тоже предлагать к употреблению отвлечённые символические термины?

Ещё Поль Отле (1868–1944) в своём знаменитом «Трактате о Документации» сетовал, что наука заимствует термины из обычного языка [4. С. 203]. Поэтому научная терминология – это всегда в большей или меньшей степени результат вынужденной договорённости. И остаётся лишь перефразировать легендарное выражение Диогена Синопского: «*Hominem quaero*» – «*Ищу человека*» в «*Verbum quaero*» – «*Ищу слово*»...

Список источников

1. **Столяров Ю. Н.** Нонэлектронный документ: правомерность термина / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2012. – № 9. – С. 38–43.
2. **Словари и энциклопедии на Академике.** – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>
3. **Швецова-Водка Г. Н.** Нонэлектронный документ как результат дихотомической классификации понятия «документ» / Г. Н. Швецова-Водка // Науч. и техн. б-ки. – 2013. – № 4. – С. 77–79.
4. **Отле П.** Библиотека, библиография, документация. Избранные труды пионера информатики. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, Пашков дом, 2004. – 350 с.